

ОБ ИСТИННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

Досліджується сутність істини з позиції наукової, ненаукової, класичної, постнекласичної концепцій. Обґрунтовано адекватність концепції цілісної істини сучасним глобальним інноваціям.

Исследуется сущность истины с позиций научной, ненаучной, классической, постнеклассической концепций. Обоснована адекватность концепции цельной истины современным глобальным инновациям.

The article presents the research into the essence of truth using scientific, unscientific, classic, postunclassical concepts. It grounds the adequacy of truth in the contexts of modern global innovations.

концепции научной истины, цельная (общая) истина, глобальные интеллектуальные инновации

В последние полтора–два десятилетия в научном экономическом сообществе заметно активизировались дискуссии по широкому кругу инновационной проблематики, в том числе о сущности и содержании инноваций, условиях и механизмах их осуществления, их жизненном цикле, последствиях и др.¹ К сожалению, пока вне поля зрения большинства исследователей находятся вопросы *истинности инноваций*. Сразу же следует отметить: модус истины принципиально важен для инноваций не только интеллектуальных и репрезентированных, но и практических и сконструированных. Неадекватно объективированные в окружающей среде инновации–артефакты не жизнеспособны. Предметом статьи является истинность интеллектуальных инноваций как генетически первичных по отношению к инновациям–артефактам.

Инновации, как синтез традиционных и / (или только) нетрадиционных, пионерных очеловеченных и / или опредмеченных сущностных человеческих сил, являются по своей природе не сугубо экономическими, а *универсумными* образованиями, *синергией* духовного, социального, экономического, экологического и политического начал человека.

Инновации создает *целостный в многообразии человек*, во всем богатстве своей биосоциальной природы, в противоречивом единстве многих ипостасей – субъекта, объекта, условия и результата, цели и средства, творца и потребителя. Глобальные инновации рождаются в процессе саморазвития, самотворения такого человека. Хорошо знакомые и привычные инновации–артефакты являются всего лишь необходимым продолжением *интеллектуальных инноваций* человека. Только инновацируя себя, он инновацирует окружающий его мир, рождает инновации – сверхсложные человекообразные системы универсумного типа. Человек и инновации – универсумны, а потому не могут быть адекватно изучены и поняты лишь с помощью отдельных, пусть даже и суперсовременных,

¹Наиболее поздними публикациями, в которых представлен широкий спектр взглядов на инновационную проблематику, являются [1, 2].

научных методов. В какой мере для оценки истинности инноваций приложимы существующие теории и концепции?

О научной истине

Классическая наука Нового времени – суть, результат и предпосылка осознанного и решительного выделения *человеком* себя из царства природы, надевания себя статусом субъекта – *подлежащего*, т. е. субстанционального и ведущего, и противопоставления себя природе как бездушному объекту изучения и воздействия, средству удовлетворения многочисленных потребностей. В полном согласии с этой максимой ученый-исследователь дистанцируется от природы, чтобы с позиций вневходимости открывать ее тайны, а *истинным* признается только *соответствующее* изучаемому объекту *научное знание*, в том числе и принципиально новое². Такой *корреспондентский* (в терминах современной философии науки) *подход к истине* как соответствию знания³ объекту⁴ казался тем более убедительным, что фактически наследовал утвердившееся в христианстве признание истинным только такого знания, которое соответствовало Божественному творению и Священному писанию.

В отличие от философов, ученые не в полной мере осознали значимость кантианской гносеологической революции. В обращении И. Канта к исследованию зависимости знаний от априорных форм чувственности и рассудка, в пресловутой «вещи в себе» они увидели лишь отказ от поиска истины. Между тем, в учении И. Канта заложен гораздо более глубокий смысл: в поиске истины следует принимать во внимание отношение знания не только к объекту изучения (на чем сконцентрировалась классическая наука), априорным формам чувственности и рассудка, но и к другим феноменам бытия и мышления⁵. Ученые-экономисты, с одной стороны, восприняли корреспондентский подход к истине, о чем свидетельствуют фундаментальные учения А. Смита и Д. Рикардо, а с другой, – в известном «споре о методе» продемонстрировали возможности выхода за его пределы. По справедливому замечанию О. Ананьина, в центре спора находились вопросы взаимоотношения не столько индукции и дедукции, сколько теории и практики; характера взаимоотношения разных видов знания, их значения для практики [5, с. 13–14]. В споре были обозначены, хотя и в неявном виде, по крайней мере, две весьма значимые для будущего фундаментальной экономической науки проблемы: 1) о различных видах истинного экономического знания или об истине различных видов экономического знания; 2) об отношении нового знания к результатам его практического применения. Впоследствии разработка второй проблемы привела к восприятию экономической наукой *прагматической концепции истины*, более адекватной инновациям–артефактам.

²Здесь и далее словосочетания «новое знание» и «интеллектуальные инновации» принимаются тождественными.

³Здесь и далее имеется в виду знание субъекта, т. е. знание, присущее субъекту.

⁴«Сильная» версия указанного подхода восходит к Г. Лейбницу и предполагает требование обоснования как истинности всех посылок истинного вывода. Убеждение в ложном утверждении не может быть обоснованным. В современной теории познания эту традицию наследует инфаллибилизм (от infallibility – непогрешимость) [3, с. 120].

⁵Указанная концепция близка современному фаллибилизму – традиции, идущей от Ч. Пирса, согласно которой истинное знание вовсе не обязательно должно быть обоснованным. Вполне обоснованным может быть и ложное знание. Фаллибилизм востребован в теории познания в той мере, в какой она стремится быть адекватной фактам эпистемической практики [3, с. 120–121]. «Итак, наши теории практически работают, и это их оправдывает» [6, с. 11].

С конца XIX в. менее чем за столетия революционные перемены охватывают все основные области естествознания. Релятивистская и квантовая теория, квантовая химия, генетика, кибернетика и теория систем знаменуют утверждение *неклассической науки*, ее идеалов и норм. Жестко детерминистские законы уступают приоритеты статистическим закономерностям, развиваются вероятностные представления об объектах познания. В результате отказа от прямолинейного онтологизма утверждается понимание *относительной истинности* теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу *единственно истинной* теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность *нескольких* отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться *момент* объективно *истинного* и нового знания. Императивным становится учет взаимосвязей знаний об объекте и характера средств и операций познания, которые воздействуют на объект и нередко изменяют его [7, с. 8], порождая инновации–артефакты.

В неклассическом естествознании человек по-прежнему противостоит природе, но теперь не только отражает, но и осваивает, изменяет реальность *в процессе* ее познания. Для ученых–экономистов, изучающих природу искусственную, «рукотворную», указанный сдвиг не стал новинкой, а потому и ассимиляция соответствующих ему естественнонаучных норм в науку экономическую не потребовала бы особых усилий, если бы в находившихся в зародышевом состоянии экономико–методологических исследованиях рефлексия над отношением знания не только к познаваемому объекту, но и к иным явлениям и процессам, отвечала бы скорости перемен. В научном сообществе не без оснований полагалось, что заметно усложнившаяся к середине XX в. экономика как объект познания субъектом, оперирующим преимущественно классическим научным инструментарием, становится для этого субъекта все более неопределенной и непредсказуемой. В научном знании о ней возрастает доля вероятностной составляющей, а относительность его истинности становится очевидной. Использование старого инструментария в исследовании сложного объекта не позволяло выдвинуть такую «большую» теорию, которая бы обеспечила истину классического типа, и обрекало ученых на продуцирование, пусть и относящихся к одной парадигме, но все же локальных теорий и соответствующих им *фрагментов* упомянутой истины.

В поисках более сложного исследовательского инструментария, адекватного уровню сложности объекта познания, ученые–экономисты по примеру коллег естествоиспытателей активизируют рефлекссию над *отношением знания к средствам и операциям научной деятельности*. Корреспондентская концепция истины перемещается со сцены за кулисы, а на самой сцене под лучами неопозитивистского прожектора становятся явными не только такие различные компоненты экономического знания, как чистая теория и прикладная экономика (искусство экономики), но и различающиеся критерии их научности [8, с. 137]. Судя по темпам и характеру экспансии математики в *чистую теорию*, трудно избавиться от мысли, что острота интереса к получению истинного знания при споспешествовании математических методов обратно пропорциональна остроте впечатлений от умопомрачительных экономико–математических конструкций, имеющих мало общего с реальностью.

Прикладной экономике вообще отказывается в праве осознания сущности объекта. Ее главная миссия видится в применении научных знаний для решения практических задач. Теория воспринимается не иначе как инструмент. По М. Фридмену, она нужна не для того, чтобы получить «фотографическое воспроизведение» мира, а для того, чтобы «анализировать» его с помощью

«фундаментальной и относительно простой структуры» [9, с. 56]⁶. Экономисты-неопозитивисты не отвергают фаллибилизм, *прагматическую концепцию истины* и рефлексируют над *отношением знания к практике*. В этом аспекте они приближаются к марксистам. Но, если первых в диспозиции «знание – практика» интересует, главным образом, практический *результат*, то последние, не отрицая самостоятельную гносеологическую значимость теории, критерием ее истинности признают практическую *деятельность* в широком смысле. Если для первых истинное знание не может не соответствовать эмпирическим фактам, то для последних истинное знание адекватно и сущностным детерминантам этих фактов, а не только поверхностным формам их выражения. Интеллектуальные инновации и инновации–артефакты смыкаются в фокусе истины.

Подобным образом и современный критический (трансцендентальный) реализм видит задачу науки в выявлении и исследовании структур и механизмов, лежащих в основе событий опыта, с помощью инструментария абдукции [10, с. 86–88]. Поскольку объективная реальность представлена иерархией трех уровней – реального, действительного и эмпирического, – совпадение теоретических и эмпирических данных может свидетельствовать лишь о корреляции между *наблюдаемыми* эмпирическими данными, а не вскрывать действительные *причины* экономических явлений. Следовательно, тестирование теории на предмет ее истинности лишь на основании указанной корреляции может быть неадекватным [11, с. 105]. Иными словами, искомая *истина* является не одно-, а *многоуровневой*, не одно-, а *многоэлементной*, не элементарной, а *системной*.

Не завершив полнокровное критическое освоение неклассического наследия, экономическая наука на рубеже тысячелетий сталкивается с новыми, *постнеклассическими* вызовами естествознания, которое продолжает определять ключевые направления эволюции научной рациональности. На фоне постулатов неравновесной нелинейной термодинамики и синергетики, теории нестационарной Вселенной, гипотез о «темной» материи и энергии, концепций Большой истории и глобального эволюционизма, а также информационно-коммуникационной революции возведенное ранее здание науки выглядит не современным, а несущие конструкции истины не надежными. Разумеется, ученые-экономисты заняты гораздо более «земными» проблемами, но они не вправе игнорировать такие ключевые гносеологические ориентиры постнеклассики, как «человекоразмерная» система, общенаучная картина мира, проблемно-ориентированная междисциплинарность, элевационизм, историческая реконструкция и др.

По мнению В. Степина, при изучении «человекоразмерных» объектов поиск истины связан с их преобразованием, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. Особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. Объективно истинное объяснение таких объектов предполагает включение в его состав аксиологических факторов, внеучных ценностей общесоциального характера⁷. Научное познание начинает рассма-

⁶Справедливости ради нужно отметить, что М. Фридмен фактически солидаризируется с корреспондентской концепцией истины, когда на примере закона падения твердых тел показывает, что при определенных допущениях в некоторых рамках исследования эксперимент может подтвердить истинность теории как адекватной интерпретации некоторого класса явлений [9, с. 60–61].

⁷На этом фоне становится очевидным, что признание перехода от экономики как крайне сложной «простой системы» к экономике как крайне сложной «сложной системе» предполагает гораздо более глубокие изменения в экономической науке, чем «изучение ограниченно рациональных агентов в условиях недостатка информации» [12, с. 86–88]. Отказ от «трех китов» – лишь один из шагов к будущей постнеклассичности экономической науки.

триваться как особая часть жизни общества, детерминируемая общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Соответственно обогащается содержание привычных категорий – «теория», «метод», «истина» и др. [7, с. 9–11]. Неожиданно для многих научная истина из небольшого «озера» соответствия знания объекту попадает в бушующий «океан» *соотнесения знания с жизнедеятельностью (универсумом)*.

Постнеклассическая наука – ровесница культурного постмодернизма и его *after* версий, а потому не свободна от их противоречивого влияния. Так, современные *релятивисты*, абсолютизируя известную линию рассуждений Платона («*Каким что является мне, таково оно для меня и есть, а каким тебе – таково для тебя*») и Аристотеля («*Что каждому кажется, то и достоверно*»), в тезисе «*anything goes*» – «все годится» (П. Фейерабенд) [4, с. 74] практически отказываются от объективности истины. В лучшем случае, если следовать *когерентной и консенсусной (конвенционалистской) концепциям истины*⁸, истинное знание становится результатом *договоренности* большинства членов научного сообщества. В худшем случае истина объявляется «изобретением лжеца» (Х. фон Ферстер) [6, с. 7–8].

Радикальные конструктивисты убеждены в том, что научное знание – вовсе не репрезентация объективной реальности, а субъективная реконструкция; интеллектуальный артефакт, символический проект, симулякр. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира субъекта. Не только человек формирует свой образ реальности, но и его представления и знания формируют его по своему образу и подобию. В оценке такого знания главными критериями становятся полезность, уместность, приемлемость, пригодность и т. п. [6, с. 35]. Классическое понимание истины в этом случае выглядит по меньшей мере не уместным. Пытаясь вершить судьбами творимых им виртуальных миров, субъект не замечает самопревращения в объект манипулирования со стороны виртуальных сетей и их авторов. Впрочем, за столь оригинальными постмодернистскими построениями важно не упустить значимое для понимания эволюции истины как категории обстоятельство: соотнесение знания не с объектом, но с самим *субъектом*, а также *межсубъектными взаимодействиями*.

Экономическая наука не осталась безучастной к постнеклассическим вызовам [14]. Подверглась она и атакам постмодернизма. Их влияние на проблематику истины оказалось весьма неоднозначным. С одной стороны, у Д. Макклоски и А. Кламера экономическая наука – прежде всего риторика, искусство убеждать пользователя в истинности и пригодности для него той или иной научной идеи. На свободном рынке идей ученые соревнуются в умении продать свой «товар». Таким образом преодолеваются тоталитарные методологические стандарты, позволяющие узурпировать истину [8, с. 139; 13, с. 68]. С другой стороны, риторический, языковой и методологический «фильтры» [5, с. 32–39] позволяют в той или иной форме соотносить отношение знания к объекту и отношения знания к пользователю, а также к языку научного общения. С одной стороны, в постмодернистском восприятии экономическая наука предстает весьма сложным социальным организмом, в котором главными персонажами являются не только ученые, но и редакторы, рецензенты, академические боссы, грантодатели, а потому и бескорыстное служение абстрактной истине является отнюдь не единственным и не главным приоритетом научной деятельности [8, с. 142; 15, с. 65]. С другой стороны, анализ структуры и особенностей функцио-

⁸К ним апеллирует Р. Хоксберген, рассуждая о герменевтическом подходе к экономическим исследованиям, как наиболее эффективном, и призывая не чураться диалога между различными научными традициями, а также ценностных суждений и «метафизики» [13, с. 68].

нирования этого организма, условий создания и распространения научных знаний, способов их существования [13, с. 73] стимулирует осмысление *социальной «анатомии» истины, отношения знания к социальным сетям.*

О цельной (общей) истине

Итак, историческая ретроспектива рефлексии над истиной убеждает не столько в наличии крайних позиций — приверженность ортодоксальной истине и отрицание истинного знания вообще, — сколько в усиливающейся «средней» линии. Речь идет о понимании истины как соответствия знания объекту, «встроенному» в усложняющийся контекст. Составляющими последнего последовательно-параллельно становятся *отношения знания к:* результатам его практического применения; средствам, инструментам и результатам познавательной деятельности; к практике; внеучным ценностям общесоциального характера; мировоззренческим установкам; самому субъекту; межсубъектным взаимодействиям; пользователю; языку научного общения; социальным сетям и др.⁹ Соответственно многофакторный анализ истины [4, с. 78–79] становится предпочтительнее однофакторного, хотя и он вряд ли вполне адекватен сложности проблемы. Его стандартная версия не предполагает сколько-нибудь сложной взаимозависимости факторов, тогда как именно соотношение отношения знания к объекту и иных отношений «знания к...» имеет принципиальное значение для осмысления природы истины.

Дело осложняется тем, что сверхсложные «человекообразные» объекты *познания* являются еще и объектами *постижения*. В каждом из видов внеучного знания об этих объектах и их «окружении» (субъект, условия, результаты функционирования и т. д.) наличествует особый стандарт достоверности, правды и иных «аналогов» истины¹⁰. Ни один из видов знания не обладает монополией на истину в том смысле, что в определенном интервале [17, с. 101–105], при определенных условиях и предпосылках один вид знания может быть более истинным, чем любой иной. Например, не секрет, что в определенной экономической ситуации следование стандартам просвещенного здравого смысла и интуиции в большей мере отвечает уровню ее сложности, чем специальные научные изыскания. Нужно учитывать и усиливающуюся «сайентизацию» внеучного знания. Так, современные дискуссии ученых и теологов свидетельствуют об активном развитии известной со времен Аквината доктрины «*двойной истины*», умелом встраивании в теологию инструментария, категориального аппарата и результатов научных исследований [18; 19]. Все более уважительные реверансы науке делают художественное творчество, герметизм, медитация¹¹. Плодотворно ли взаимоисключение различных видов знаний об одном и том же объекте на том лишь основании, что эти знания родились в ином «цехе»? Риторический вопрос.

Таким образом, в современных взаимодействиях и взаимопроникновении различных видов научного и внеучного знания, в том числе экономического, истина отнюдь не умирает, а взрослеет и усложняется. Весьма актуальной становится пророческая мысль Питирима Сорокина: «В трехмерном пространстве веры, разума и чувств *общая истина* ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм» [21, с. 478] (курсив мой — В.Т.).

⁹В категориях теории познания перечисленное свидетельствует о включении в научную рефлексию над истиной наряду с инфаллибилизмом и фаллибилизмом интернализма, экстернализма и релейабиллизма [3, с. 124–126].

¹⁰К. Леви-Стросс: «Может быть, в один прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном» [16, с. 33].

¹¹Вероятно, этому способствует и известная близость ряда позиций некоторых школ буддизма к современному конструктивизму [20, с. 92–93].

N-мерному сверхсложному экономическому «человекообразному» темпоральному пространству адекватна не гомофония, а поли-, гетеро- и симфония различных видов постижения, не одномерная, а N-мерная *цельная (общая) истина*, к вершинам которой ведут многие и многие тропы. Цельная истина предстает как N-мерное соответствие экономико-универсумного знания указанному темпоральному пространству (объекту) в его (соответствия) соотносительности с человеческой жизнедеятельностью, ее сферами и элементами. «Внутренний мир», строение таким образом понимаемой истины в первом приближении может быть представлено тремя взаимосвязанными составляющими: научной, вненаучной и синтетической.

Научная составляющая цельной истины является сложной системой соотносительностей, с одной стороны, отношений научного экономического знания к объекту, и, с другой стороны, отношений знания к субъекту, условиям, процессу, результату и т. д. научной и практической экономической деятельности, а также отношений экономического знания к самому себе¹². Например, экономико-математическая модель значима в том случае, если является особым знанием об определенном экономическом объекте. Мера ее соответствия последнему зависит от самого автора-исследователя, его профессионализма, целей, положения в научном сообществе и т. п., условий, процесса, инструментария моделирования, предназначения модели и многих других факторов. Так, несовершенство математического инструментария не позволяет адекватно моделировать достаточно сложные экономические объекты (что, кстати, способствует фрагментации экономического знания). Степень соответствия модели объекту пропорциональна уровню соответствия ее инструментария его сложности. Не редко указанные факторы учитываются в аспекте преимущественной иерархической подчиненности одному-двум второстепенным факторам (например, требованиям к публикации в престижном журнале и / или к получению гранта), а не научно императивной сетевой соотносительности между собой.

Элементами *вненаучной* составляющей цельной истины могут быть соотносительности отношений: 1) вненаучных экономических знаний к различным феноменам соответствующего вида постижения и отражаемой им реальности в универсумном контексте; 2) вненаучного знания к самому себе и к знаниям — результатам иных видов постижения. Так, правдивость изображения экономических реалий в художественном произведении в значительной мере определяется особенностями самовыражения автора, личным опытом экономической деятельности, его практичностью, здравым смыслом, вероисповеданием, социальным положением и другими факторами. В достаточной ли мере подобные факторы учитываются в поисках истины?

Синтетическая составляющая цельной истины представляет сочетания и синергию научной и вненаучной составляющих. Количество таких сочетаний не поддается краткому описанию, поскольку должны быть соотносены различные отношения многих видов постижения и познания как между собой¹³, так и с их отношениями к многочисленным феноменам человеческой жизнедеятельности. Один из возможных вариантов такого сочетания может быть изучен с использованием предложенного О. Ананьиным эшелонирования экономического знания по критериям меры абстрактности и механизмов функционирования. Речь идет об эшелонах (уровнях): 1) абстрактной теории; 2) базового типологического

¹²Соотнесение различных отношений знания к самому себе составляет проблематику истории экономических учений, экономической методологии, а также науки об экономической науке.

¹³Если в экономической методологии соотнесение отношений научного и вненаучного знания лишь намечается, то в философии экономической науки и в эконике оно становится главной проблемой.

знания; 3) системной экономической компаративистики; 4) прикладного стратегического знания; 5) прикладного оперативного знания или экономической инженерии. На каждом из таких уровней, по мере возрастания конкретности экономического знания и приближения его к сфере практического использования, оно вступает во все более широкий круг социальных взаимодействий, без учета которых оно утрачивает смысл [5, с. 250–253].

С позиций *корреспондентской* концепции научной истины претензии на последнюю в трех верхних эшелонах экономического знания снимаются сами собой, ибо научное знание здесь попадает в водоворот вненаучного и теряет потребную часть своей идентичности. С позиций концепции *цельной (общей) истины* именно на этих уровнях происходит столкновение и взаимодействие видимых, поверхностных форм научных и вненаучных элементов цельной истины. Но, чтобы эта видимая, «надводная» часть «айсберга» последней была адекватно идентифицирована, необходима N-сторонняя диагностика его невидимой, «подводной» части. Элементы *научной* истины, добываемой на двух нижних уровнях экономического знания, должны быть *синтезированы* с соответствующими элементами истинного *вненаучного* знания. Более того, сверхсложная «человекообразная» система не может быть на одном уровне только экономической, а на другом — только социальной или политической. Взаимодействие экономической, экологической, социальной, духовной и политической ипостасей формируют ее на всех уровнях точно так же, как бессознательное, сознательное и подсознательное составляют неотъемлемую среду всех уровней научного познания. Следовательно, весьма вероятно наличие вненаучных и научных элементов цельной истины на всех уровнях экономического знания, и сама она в таком случае является результатом и синергией синтеза указанных элементов. Так что у исследователя нет выбора: его призвание — поиск цельной истины.

Разумеется, подобные амбиции не без оснований могут быть признаны утопичными. В этом нет ничего удивительного, поскольку при современном уровне развития экономико-универсумного знания¹⁴ и его саморефлексии достижение цельной истины невозможно. Но даже принципиальная непреодолимость этой утопичности отнюдь не является основанием для забвения самой идеи экономико-универсумного знания и его истинности¹⁵. Невозможность абсолютной истины в науке не охлаждает пыл ученых, ищущих относительную научную истину. Поэтому на современном этапе развития экономико-универсумного знания нужно воспользоваться опытом науки и научиться определять *меру и относительность цельной истины*, жесткие условия, предпосылки и границы, в которых экономико-универсумное знание соответствует той или иной области сверхсложного «человекообразного» объекта.

Итак, природе современных глобальных инноваций адекватна концепция цельной истины, в которой смыкаются универсумный характер инноваций интеллектуальных и практических, инноваций-репрезентаций и конструкций. Впрочем, механизм указанной смычки пока остается не вполне ясным.

Список использованной литературы

1. Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. — М.: МАКС Пресс, 2008.

¹⁴Об экономико-универсумном знании и экунике см. подробнее [22, с. 3–121, 532–535].

¹⁵В частности, умножение экономико-универсумного знания обогащает «ученое неведение» (Н. Кузанский) или знающее незнание, которое и есть высший модус истины, доступный человеческому существу [23, с. 38].

2. Экономические проблемы инновационного развития / под ред. К.А. Хубиева. – М.: ТЕИС, 2009. – 699 с.
3. Лебедев, М. Перспективы современных концепций надежности знания / М. Лебедев // Вопросы философии. – 2007. – № 11.
4. Левин Г. Современный релятивизм / Г. Левин // Вопросы философии. – 2008. – № 8.
5. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / [отв. ред. О.И. Ананьин]; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2008.
6. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008. – № 3.
7. Степин В. У истоков современной философии науки / В. Степин // Вопросы философии. – 2004. – № 1.
8. Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии / О. Ананьин // Вопросы философии. – 1999. – № 10.
9. Шлиссер Э. Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит / Э. Шлиссер // Вопросы экономики. – 2007. – № 2.
10. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма / Т. Лоусон // Вопросы экономики. – 2006. – № 2.
11. Кюнтцель С. Эволюционное моделирование и критический реализм / С. Кюнтцель // Вопросы экономики. – 2009. – № 1.
12. Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки / Д. Коландер // Вопросы экономики. – 2009. – № 1.
13. Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм / И. Болдырев // Вопросы экономики. – 2006. – № 11.
14. Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке / В. Тарасевич // Вопросы экономики. – 2004. – № 4.
15. Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории / М. Блауг // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО / рук. В.А. Мартынов. – М.: ИМЭМО РАН, 2002.
16. Каз М. Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? / М. Каз // Вопросы философии. – 2009. – № 4.
17. Лазарев Ф. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф. Лазарев, С. Лебедев // Вопросы философии. – 2005. – № 10.
18. Левин Г. Методологические принципы диалога материалистов с верующими / Г. Левин // Вопросы философии. – 2008. – № 10.
19. Шахов М. Реализм как общая основа религиозного и научного знания / М. Шахов // Вопросы философии. – 2008. – № 10.
20. Петренко В. Медитация как форма непосредственного познания / В. Петренко, В. Кучеренко // Вопросы философии. – 2008. – № 8.
21. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992.
22. Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты / В.Н. Тарасевич. – М. ТЭИС, 2008.
23. Далмайр, Ф. Николай Кузанский о вере, знании и ученом незнании / Ф. Далмайр // Вопросы философии. – 2007. – № 2.

Надійшло до редакції 3.03.2010.